

ББК 63.3(2)512

В.В. Ведерников

**Повседневная жизнь алтайской горной корпорации
в воспоминаниях английских путешественников
Дж. Кокрена, Ч. Котрэла и Л. Аткинсон**

V.V. Vedernikov

**Pictures of the Casual Life of the Altai Mining Corporation
in the Recollections of English Travelers
J. Cochrane, Ch. Cottrell, L. Atkinson**

Автор использует неизвестные для исследователей записки путешествий Дж. Кокрена, Ч. Котрэла и Л. Аткинсон. Выявляются новые факты быта и досуга горной элиты. В специфике субкультуры «высшего общества» автор обнаруживает предпосылки будущего упадка сереброплавильной промышленности Алтая.

Ключевые слова: Алтайский горный округ, горная элита, горная корпорация, серебро.

В последнее время все большую популярность у историков-исследователей приобретает диффузионизм, который мы бы назвали скорее концепцией, совокупностью авторитетных западных авторских теорий, более или менее наглядно обозначающих процесс заимствования экзогенных (попавших извне) идей, политических и государственных институтов, повседневных практик, технологий, техники. Диффузионизм рассматривает этот процесс по аналогии с физическим процессом диффузии. Диффузия – это перемешивание двух веществ, приводящее к самопроизвольному выравниванию их концентраций по всему занимаемому объему. Диффузионизм предоставляет исследователю удобный терминологический аппарат для выражения процесса заимствования, обозначения путей, каналов, механизмов (инфильтраций), акторов (индивидов, которые активно, с большим внутренним горением распространяют экзогенное). Наиболее удачно, на наш взгляд, диффузионистский подход применим к процессам с односторонним влиянием западной культуры на русскую, особенно дворянскую повседневную жизнь. Главным механизмом диффузии здесь было социальное подражание. Расходы на западную роскошь, стиль жизни, путешествия в Европу в конце XVIII в. составляли 35% расходов русского дворянства. Но восприятие европейского, экзогенного, характеризуется соответствующей эндогенной спецификой: недоступность потребления для рядового дворянства; трата денег на производи-

The author of the article using the writings of English travelers such as J. Cochrane, Ch. Cottrell, L. Atkinson displays new and unknown essential facts illustrating casual life and leisure of mining elite. In the specific character of the «elite» sub-culture he finds out the suppositions provoked future crisis in the Altai silver smelting industry.

Key words: Altai mining district, mining elite, mining corporation, silver.

тельные цели (губернеры, роскошь, импорт европейских товаров); усиление экономического прессинга на крепостное крестьянство, в конечном итоге – на государство [1, с. 9].

Диффузионистский подход, на наш взгляд, хорошо согласуется с социальной ситуацией в аппарате управления горнометаллургической промышленностью Алтая в 1830–1850-е гг.

Алтайский горный округ во второй половине XVIII–XIX вв. являлся главной русской сереброносной провинцией. Здесь действовало пять сереброплавильных заводов (Барнаульский, Павловский, Локтевский, Змеиногорский, Гавриловский), которые имели привилегированное положение среди всех металлургических заводов России. Барнаул, центр Алтайского горного округа, его столица, резко отличался от всех остальных городов Сибири. Здесь правили бал, не только в переносном, но и прямом смысле, горные инженеры – технические специалисты со столичным образованием. С военизацией горного ведомства в 1834 г. горные инженеры стали военными офицерами. Впервые после указа о вольности дворянства 1762 г. в результате упомянутой военизации на Алтай для горной службы в обязательном порядке присылались представители русского потомственного дворянства, которые принесли сюда европейскую культуру. В Барнауле можно было встретить больше людей, говорящих на основных европейских языках, чем во всех остальных городах Сибири, вместе взя-

тых. С этим же связано, например, первое появление на Алтае рояля.

Горные инженеры образовали замкнутую общность – социальную, ведомственную, географическую, династическую, профессиональную; одним словом, корпорацию. Поскольку горные инженеры стали алтайским региональным брендом, интерес к их повседневной жизни не угасает. Воспоминания современников об Алтае давно заняли особое место в ряду источников по истории Алтая.

Цитаты из сочинений некоторых авторов уже стали историографическими штампами. Иное дело – не переведенные на русский язык записки путешествий англичан, побывавших на Алтае в течение 20–50-х гг. XIX в. До сегодняшнего дня эти записки остаются неизвестными даже для узкого круга профессиональных исследователей истории Алтая.

Джон Дундас Кокрен, офицер флота ее величества королевы Великобритании, рассорился с отцом, порвал с морской службой. Блудный сын и перекаати-поле, он наудачу шел пешком из Петербурга по Сибири и Дальнему Востоку. Летом 1821 г. Кокрен очутился в Барнауле, где ему посчастливилось-таки встретить генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского, по чьей протекции он влился в состав экспедиции, шедшей к мысу Дежнева, в перипетиях своего маршрута он женился на сибирячке и вернулся в Англию, где издал книгу о своих скитаниях (1824 г.). Книга Кокрена, попав в Россию, оказалась как нельзя кстати в разгар эпохи романтизма, главный герой которой остро не принимает действительность и бежит от нее, отправляясь путешествовать по миру, подобно байроновскому Чайльд-Гарольду. Последнее, видимо, больше всего и интриговало: оба, и Байрон, и Кокрен, были родом с берегов Туманного Альбиона. Личность этого Кокрена, которого министр внутренних дел В.П. Кочубей метко прозвал «почетным бродягою», не случайно долго занимала русское общество, в частности пушкинский круг: обсуждали изданную им книгу, способ его путешествий, характер и качество сделанных им наблюдений.

В отличие от Кокрена, ничего о личности Чарльза Котрэла нам узнать не удалось. Барнаул Котрэл посетил зимой 1840–1841 гг. Он попал на Алтай, когда горное ведомство приобретало в России дурную репутацию из-за коррупции и казнокрадства, где и застал характерную ситуацию вокруг плавки золота с частных приисков. Никаких эмоциональных оценок не было в его воспоминаниях, напротив, спокойный, суровый взгляд, беспристрастный вердикт безобразиям, творящимся на его глазах, – все это в соответствии с реализмом, новым художественным стилем, который утверждался тогда в литературе, вытесняя из нее романтизм. Можем предположить, что определение Барнаула как «золотого депо Сибири», которое Котрэл дал мимоходом, скоро закрепится и в историографии.

Но самое большое открытие для исследователя повседневности представляют собой мемуары Люси Аткинсон, которые можно смело отнести к эпистолярному жанру. Английский художник-акварелист Томас Аткинсон, желая «обогатить свои картоны» живописными видами Алтая и рассчитывая что-нибудь выручить от продажи своих работ, располагая к тому же ограниченными средствами, в 1847 г. прибыл в Санкт-Петербург, чтобы оттуда через Москву и Екатеринбург проследовать на Алтай. В русской столице Аткинсона, уже немолодого джентльмена (в 1847 г. ему исполнилось 48 лет) из старинного семейства, ожидало семейное счастье. В Петербурге он встретил свою будущую супругу Люси, которая уже 8 лет служила гувернанткой в доме генерала Муравьева. Люси происходила из многодетной английской семьи, и ей сравнительно рано пришлось задуматься о собственном источнике существования. В феврале 1848 г. мистер Аткинсон отправился в Сибирь уже женатым человеком со своей верной спутницей Люси.

В течение 1849 г. супруги Аткинсон посетили горные хребты Каратау, Алатау, Актау и Мустау, в начале сентября 1849 г. они прибыли в Змеиногорск, получили там радушный прием, затем отправились в Барнаул. На Алтае супруги оставались до июня 1850 г., а затем отбыли к берегам Енисея, из Иркутска они предприняли поездку на Саяны. В 1852 г. из Иркутска Аткинсоны вернулись в Барнаул, а 24 декабря того же года прибыли в Санкт-Петербург. Во время этого путешествия у супругов Аткинсон родился мальчик. Родители дали ему имя Алатау, что лишний раз подчеркивает эксцентричность Люси.

Томас Аткинсон закончил свое семилетнее путешествие, полное лишений, в возрасте 53 лет и, вероятно, не без последствий для организма. В 1860 г. художник повредил себе ногу и долго лечился, но силы оставили его. В 1861 г. он скончался [2, с. 152–156].

После смерти мужа Люси Аткинсон отдельным томом издала свои воспоминания о путешествии по Азиатской России. Это сочинение представляет собой не что иное, как сборник писем, некогда отправленных подруге в Англию из тех мест, в которых останавливались супруги Аткинсон в своих путешествиях. Письма очень обширны по объему. Люси выстраивает повествование подобно беседе двух женщин, ее самой и ее адресата. Упоминание о каком-то ином событии, пришедшимся кстати в беседе, является поводом перейти на совершенно другую тему, начав новую линию повествования и свободно прервав предыдущую. Таков характерный стиль изложения миссис Люси Аткинсон. Впервые мы имеем в своем распоряжении пространные записки, выполненные в эпистолярном жанре, и впервые здесь присутствует женский взгляд.

Предметом данной статьи является анализ описаний повторяющихся явлений в жизни горных инженеров, служивших на Алтае, стиля и образа

жизни этой небольшой социальной группы (например, в 1839 г. ее численность составила 37 человек, в 1850–1860-х гг. – около 50 человек). Особого внимания, конечно, заслуживают новые сведения о быте и досуге горной корпорации.

Хорошо известно, что излюбленным досугом горных инженеров и членов их семей были балы. Чтобы скрасить бремя горной службы, в Барнауле за счет императорского Кабинета содержался оркестр. Каждой весной управляющие Павловской, Локтевской, Сузунской заводских контор, Томской, Змеиногорским и Салаирским краями съезжались в Барнаул на горный совет, чтобы составить отчет о прошедшем заводском годе. И начиналось «веселье-ликованье», обеды сменялись балами, балы – визитами, визиты – обедами.

Бал давался для барнаульского общества, т.е. изолированной группы горных инженеров и служивших в горном правлении статских чиновников, по воскресеньям. Каждое воскресенье все офицеры обедали с начальником округа. Временем обеда считались здесь два часа пополудни. Время после обеда офицеры проводили дома. Между семью и девятью вечера они собирались на бал в компании своих супругов. Молодые проводили время в танцах, люди постарше играли в карты. В одиннадцать подавали ужин, в котором участвовали все присутствующие. В полночь все расходились по домам.

Особенностью барнаульских балов было то, что проводили их летом в душном салоне. В это время русское поместное дворянство обычно уезжало из городов в свои имения. На летних балах в Барнауле между танцами делались перерывы; компания, когда позволяла погода, прогуливалась в большом саду. Балы проводились по воскресеньям и составляли часть повседневности. Однако давались по случаю какого-либо нерядового события, чтобы подчеркнуть торжественность момента.

Дж. Кокрен летом 1821 г. застал приготовления к визиту в Барнаул генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского. Главным начальником округа П.К. Фроловым было дано два роскошных обеда, сады были иллюминированы, были организованы балы, везде царил праздничный ликование [3, р. 191]. Супруги Аткинсон в июне 1848 г. были приглашены на бал в честь именин супруги главного начальника округа П.П. Аносова. Собственно праздник разгорелся уже после обеда, данного Аносовым в честь супруги. Танцы продолжались допоздна, а ночью был зажжен красивый фейерверк.

Главный бал в Барнауле проходил в ночь на Рождество. Перед ним устраивался костюмированный бал для детей. Люси Аткинсон писала: «Вне сомнений, ты будешь удивлена, когда узнаешь, что у моего сына дебют в этом огромном мире. На маскараде он был одет как киргиз; что это был за костюм, очень недорогой, но решительно самый лучший. Некоторые

дети были одеты в более дорогие костюмы... Музыканты расселись и были готовы начать играть танец; здесь появился наш маленький приятель, я завязала ему шапку и шепнула ему, чтобы он вошел в комнату, в которой дети подняли жуткий шум. Он смело шагнул к двери, где он остановился, удивленный увиденным, мы остались стоять позади. Когда он вошел, на мгновение установилась тишина, затем со всех сторон раздались вопли: «Это Алатау! Это Алатау!» Когда мы вошли, никто не посмотрел и не заметил нас; толпа окружила дитя, которого мадам Соколовская (супруга горного начальника Л.А. Соколовского. – В.В.) поставила посреди стола, за которым джентльмены играли в карты» [4, р. 215].

К рождественскому балу подготовка шла загодя. Каждая барнаульская дама заказывала в Петербурге или из-за границы, смотря по средствам, новое платье, чтобы произвести большое впечатление на окружающих. Ежегодно из Барнаула в Петербург отправлялось шесть караванов: три с алтайским серебром и приисковым золотом, еще три – с драгоценными металлами производства Нерчинского горного округа. Заводской год делился не на кварталы, а на трети. В конце каждой трети отправлялся очередной караван, что служило своеобразной формой отчета по факту. Два месяца караван добирался до столицы, через два месяца из Барнаула отправлялся следующий караван. Таким образом, сообщение со столицей, учитывая транспортные возможности той эпохи, было фактически бесперебойным. «И было забавно наблюдать прибытие почты, – пишет Л. Аткинсон, – количество ящиков было экстраординарным» [4, р. 324]. Прибытия почты каждый раз ждали с опасением: однажды в пути следования ящики провалились под лед, новые платья не попали в руки владелиц, и праздник был испорчен.

Полковник Стрельман, сменивший Л.А. Соколовского в должности горного начальника, стремился во всем превзойти своего предшественника. Перед главным балом он устроил вереницу балов, концертов, театральных представлений; празднований было больше, чем обычно. Традиционно хозяином рождественского бала был горный начальник, его супруга – хозяйкой бала. Стрельман сделал освещение необыкновенно ярким, при четырехкратном ударе церковных колоколов было подано шампанское, но блеск бала вскоре был помрачен тем, что огни свечей погасли. Стрельманы не подготовились к такому большому числу огней, поэтому докупили стеариновые свечи в Барнауле, но они горели до половины из-за короткого фитиля. После новогоднего бала начинались непрерывные вереницы взаимных визитов.

В обычные дни кто-либо из офицеров собирал небольшой кружок друзей под своим кровом. Мужчины играли в карты и шахматы, женщины брали с собой рукоделие. «Что делает эти встречи такими приятными, так это простой ненавязчивый способ,

которым люди объединяются друг с другом», – писала Люси Аткинсон. Обычный вечер состоял в игре в карты. Иногда собиралась чисто дамская компания. Стулья ставились вокруг стола плотно друг другу, «на сибирский манер».

Излюбленным времяпрепровождением летом были пикники, устраиваемые то одним, то другим. Редкий день обходился без пикника. Пикники на природе были двух видов: для удовольствия детей, отводивших душу в шумных играх, с чаем; и охотничьи, так изумившие миссис Аткинсон. Она писала своему адресату: «Ты не представляешь, какая провизия готовится для этого спорта; уму непостижимо, сколько вина они употребляют, случается, что один человек может выпить две, три и больше бутылки шампанского» [4, р. 45].

Обычный день барнаульской дамы начинался помощью гувернантке в обучении детей. Вторую часть утра занимали домашние дела. Каждая дама имела собственную складскую комнату, предмет своей гордости. «Там стоят все наименования напитков, которые ты можешь назвать. Там есть товары всех видов и описаний, в ящиках, где это все хранится. Затем, там есть бочки с мукой, ящики со свечами, стоящие на ящиках со свечами же; вкратце, хорошо обеспеченный магазин и опрятность и чистоплотность, царящую здесь, впрочем, как и в любом месте дома, приятно было наблюдать, – делилась своими впечатлениями Л. Аткинсон. – Необходимость обязывает каждую семью хранить в запасе достаточно лекарств на целый год и, черт бы побрал несчастного смертного, кто вдруг не удовлетворит его или ее желаний» [4, р. 85].

Настало время упомянуть о «несчастном смертном», об аптекаре – ключевой фигуре в функционировании повседневности. В феврале барнаульский аптекарь отправлялся на Ирбитскую ярмарку. Фактически его целью стала покупка вещей и всего необходимого для пополнения запасов высшего общества. Ему давались деньги и обширные списки вещей и лекарств, которые необходимо купить, с ярмарки аптекарь возвращался с большим караваном как могущественный купец. Кстати, помаду дамы заказывали тоже у аптекаря. В ее состав входило два важных ингредиента – касторовое масло и эссенция мяты, помада получалась превосходного качества.

Местные нравы очень хорошо характеризовал низкий уровень преступности: ни в Змеиногорске, ни в Барнауле люди, уходя из своих домов, никогда не запирали их, хотя в их отсутствие в дом мог войти кто угодно. Прибывшие для службы горные офицеры также со временем перенимали местную привычку. Полковник Кованько рассказывал миссис Аткинсон, что он не никогда терял ни малейшей вещи, хотя к нему постоянно приходят люди. Исключением была зима, когда воры покушались на шубы. Барнаульские дамы носили шубы из соболя, соболем наружу, шел-

ком изнутри. У одной такой дамы однажды похитили три шубы. «Очевидно, в Сибири нет недостатка в деньгах», – объясняла себе это Л. Аткинсон.

В середине XIX в. о горном ведомстве в России шла дурная слава из-за уровня потребления, не соответствующего небольшому жалованью горных инженеров. Люси Аткинсон, видимо, в силу воспитания, не интересовалась источником доходов высшего общества. Супруги Аткинсон посетили Алтай в переломный момент: полковник Соколовский, горный начальник, в 1849 г. получил чин генерал-майора и отбыл для службы в горное отделение Кабинета, где покровительствовал алтайской горной корпорации.

Главным источником частной наживы служило распределение «по карманам» средств, оставшихся от предыдущего заводского года. По правилам эти суммы должны были переноситься на следующий заводской год. Итоги прежнего заводского года подводил горный совет – съезд управляющих заводских и горных контор в Барнауле. Разумеется, это событие было отмечено обедами, пикниками, балами, вереницами визитов. Распределение средств от прошлого заводского года внутри горной элиты происходило тоже на горном совете. При этом для основной массы горных инженеров на Алтае единственным источником существования оставалось небольшое жалованье, служба в отдаленных местах (Зыряновске, Ридерске, на золотых приисках) и полное отсутствие карьерных шансов.

Новый источник доходов горная корпорация получила с развитием золотопромышленности. Все частное и казенное приисковое золото стекалось в Барнаул, который стал, по выражению Ч. Котрэла, «золотым депо» Сибири. Перед Котрэлом предстала картина неприкрытой махровой коррупции вокруг сплавки. «Крупные владельцы приисков каждый год делают огромные подарки офицерам, занятым в этом деле, и начальник всего округа за несколько лет этим способом сколачивает очень большое состояние. Поскольку от него зависит определение цены золота, зависящей от качества, для владельца быть в хороших отношениях с ним составляет жизненную необходимость, и мы видели огромную плату отдельным лицам, от решения которых так много зависит. Это говорит, что есть лица более высокие по положению, чем тот, кто имеет часть щедрых приношений, и если вся система так коррумпирована, прибыль должна значительно уменьшаться». И далее: «Как только золото взвешено и оценено, владелец не несет дальнейших расходов, правление на свои средства доставляет его в Петербург, куда золото посылается три раза зимой и переделывается в монету; 15% являются таксой, которую император взимает за транспортировку и расходы на чеканку. Стоимость золота составляет около 50 тыс. руб. пуд, и они рассчитывают все таким образом, что владелец получает около 37 тыс. [руб.], такса и презенты вычитаются. Средняя стоимость

промывки на богатой золотой жиле составляет 12 тыс. рублей за пуд [золота], стало быть, чистая прибыль составляет 25 тыс. рублей за пуд» [5, р. 203].

Говоря о преступных источниках частной наживы высшего общества, нужно отметить царящую в нем непринужденную атмосферу, взаимовыручку и братство, но братство внутрикорпоративное: «Каждый из офицеров в этом месте хочет услужить своему соседу; во всяком случае они как будто бы члены одного и того же домохозяйства, живут в мире и гармонии» [4, р. 85].

20–50-е гг. XIX в. – это особый период, когда горно-заводское производство Алтая переставало развиваться, регион превращался в территорию «неразвития» со специфическим очагом существования – горной элитой, которая получала материальные возможности из своего властвования, а не из производственных успехов. Генерал Соколовский считался основателем «системы алтайского горного хозяйства» и покровителем «горного мира». Эта эпоха на Алтае длилась

с 1850 по 1883 г. Производство серебра во всем мире росло, что провоцировало падение мировых цен на белый металл, на Алтае производство серебра снижалось с 1 тыс. пудов в 1850-х гг. до 719 пудов в 1869 г. и 380 пудов в 1882 г.

Социальные корни этого упадка следует искать в повседневности «высшего общества» и вообще ментальности русского поместного дворянства. Пренебрежение служебным долгом выразилось здесь в стремлении к праздной жизни не по средствам, ориентации на европейскую культуру, в том числе женскую моду. Специфическая эндогенная реакция на «всё западное» выразилась в огромных расходах на импортные дамские шляпки, платья, шали, которые доставлялись из Лондона и Парижа. Подражательство Европе вылилось в специфическое восхищение европейским техническим уровнем, которое повлекло за собой предубеждение о как бы естественном «втором месте» России в эшелоне технического прогресса как сублимацию провинциального дворянского сознания.

Библиографический список

1. Алексеева Е.В. Европейские инновации в цивилизационной динамике России (XVIII – начало XX в.) // Диффузия европейских инноваций в Российской империи. – Екатеринбург, 2009.
2. Этцель А., Вагнер Г. Путешествие по степям и горам Сибири и соседним землям Средней Азии по сочинениям Аткинсона, Миддердорфа, Раде, Маака и др. – СПб., 1865.

3. Cochrain John Dundas. Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary. 2nd edition. – Vol. 1. – L., 1824.
4. Atkinson Lucy. Recollections of Tartar Steppes and Their Inhabitants. – L., 1863.
5. Cottrell Charles Herbert. Recollections of Siberia in the Years 1840 and 1841. – L., 1842.